

Подбитый, оставляя за собой дымный след, он шел домой. Резервы энергии были на исходе, боеприпасы почти исчерпаны. Он находился в походе уже восемь дней с момента последней перезарядки, переходя от стычки к стычке и выдержав две долгие дуэли с махинами, в которых серьезно пострадал, хотя и вышел победителем из обеих.

Плавающая в застоявшейся жидкости своей раки, Вален Лустиг дергал исхудавшими ногами в такт тяжелым шагам величественной махины. Принцепс делил с ней усталость и тупую боль крайнего переутомления, что сочилась в ее системы из подключенного штекерами экипажа. Ни один из них не спал с последней остановки на перезарядку в Гинексе восемь дней назад. Их тела, как и амниотическая жидкость в его раке и кровотоке, утопали в токсинах и побочных продуктах стимуляторов, ободрителей и укрепляющих препаратов против усталости, которые приходилось глотать из медицинского биообеспечения махины или выделять из желез собственных модифицированных тел.

Устали все: рулевой, сенсоры, модераторы, сервиторы. Они были отравлены химией, залиты под завязку концентрациями синтетических гормонов. Рефлексы притупились, внимание и восприятие стали опасно рассеянными из-за чересчур долгого отсутствия сна. Лустиг знал, что у техножреца гипнагогические галлюцинации, и сам продолжал страдать от снотворных конвульсий, балансируя на грани вынужденного полусна. Его тело покрывали психостигматические язвы. Его подташнивало, он чувствовал себя отупевшим — мыслительные процессы растянулись до жуткого состояния сознания, где ничто больше не воспринималось как реальное. Он так устал, что даже перестал вести бортовой журнал.

Горящие пространства Шалтарских очистительных — юг Аргентума — стелились вокруг, словно сон. Он вел «Никомах Игникс», могучего «Владыку войны» Легио Темпестус, по восточному маршруту в Гокс, надеясь до ночи успеть к сборочным площадкам горы Сигилит. Каждый шаг давался с трудом. Мерные движения ног перемешивали темные хлопья биологических отходов, скопившихся на дне раки. Пальцы подергивались и дрожали.

Все каналы связи с ульем и легио были отрезаны несколько дней назад. Опасный, развращающий, всепроникающий мусорный код Архиврага начинал засорять каналы, и Лустигу пришлось деактивировать вокс, пикт-поток и все остальные устройства приемопередачи. Он подумывал, не остался ли «Никомах Игникс» последней действующей махиной Темпестус? Без доказательств обратного это казалось вполне вероятным. Лустиг оставил «Доминус Аякс» опрокинутым на спину и горящим во дворе обогащательного завода неподалеку от мануфактума Аргентума. Оставил «Аквилус Агрессор» с простреленным торсом и зверски ослепленного, привалившегося спиной к высокой стене водовода, с раскинутыми ногами, словно умирающий пехотинец у стенки окопа. Из шеи и пробитой грудины «Агрессора» валил тошнотворный дым. Он видел доблестного «Разбойника» «Амфитон» лежащего лицом вниз в высохшем речном русле, выгоревшего и почерневшего, словно тот прошел сквозь солнце. Он видел грозного «Пса войны» «Канариус» взорванного и лежащего на боку за мраморным фасадом храма рабочего поселения без ног и одной орудийной конечности, отгрызенных, словно кто-то рвал его на куски и пожирал в каком-то жутком голодном неистовстве. Он видел сожженный торс «Разбойника», безымянного и неузнаваемого, на вершине огромной кучи щебня, а потом, полукилометром дальше, на разрушенной улице рабочего поселка, — его оторванную голову, слепо уставившуюся в небо. По голове он с горечью узнал «Дилигенс Эродитус» — принцептуру своего давнего друга и партнера по регициду Доркаса Веймула.

Он видел слишком много. Если он сумеет вернуться живым, то наверняка встретит гневное осуждение повелителей Кузницы. Как он мог оставить столь многих умирать? Как можно было потерять столь многих? Как посмел он остаться в живых, когда остальные погибли?

Последние несколько часов до него доходили низкие животные стенания, эхом отражающиеся по БМУ. «Никомах Игникс» ощущал боль и тоже скорбел. Он видел безнадежные потери и перечень павших и стонал в отчаянии. Лустиг чувствовал его мысли. Они дергали его разум, прерывистые и полные страдания. «Никомах Игникс» страстно желал вернуться и беспощадно отомстить за потери, хотя и понимал, что работает на пределе возможностей.

«Заправимся, перезарядимся, — пообещал Лустиг машине, стараясь утешить ее страдания. — Заправимся, перезарядимся — и тогда мы придем за расплатой к бездушным врагам».

Перед амниотической ракой, в кресле в подбородке титана, Дольф Гентриан, модерати «Никомах Игникс», боролся с обволакивающим оцепенением, которое почти завладело им, и пытался сосредоточиться на текущей работе. Он следил за жизненно важными системами машины, особенно за теми, чьи показатели опустились ниже рекомендуемых порогов. Давление гидравлики падало, и ему постоянно приходилось убирать тревожные уведомления. Реактор работал неровно, словно аритмичное сердце, и, похоже, оступивший техножрец мало что мог сделать, чтобы успокоить его рваный пульс. В биообеспечении машины не осталось ничего стимулирующего, никаких гормональных усилителей и глюкозадреналиновых инъекций, хотя никто из экипажа больше не выдержал бы добавочной стимуляции, даже если бы что-то и осталось. Гентриан чувствовал голодные спазмы пустых магазинов и оружейных зарядников.

Но в первую очередь он следил, не покажет ли манифольд опознание кодов или засветку цели.

Гентриан развел руки и пошевелил шеей. По расчетам манифольда, при текущей скорости через 5,3 часа «Никомах Игникс» достигнет внешних защитных батарей Горы, где, как все надеялись, они смогут расслабиться.

Он позволил манифольду развернуть поле зрения на триста шестьдесят градусов. По левому борту на несколько десятков километров тянулся обогатительный комплекс, разбитый и смятый продолжительным дневным обстрелом. Кое-где били огромные, рвущиеся в небо султаны горящего газа и прометия из разбитых трубопроводов и хранилищ. Углеродородный смог омывал еле шагающую машину.

Массивные ангары и фабричные комплексы, отмечавшие окраины рабочего поселения Гокс — широкий пояс промышленных анклавов субулья, — лежали по правому борту. Машина шла через пограничный район под названием Подгоксовый Край. Здания, многие из которых были повреждены и покрыты шрамами, представляли собой массивные строения из серого оуслита и мрамора: механические мастерские, заводские депо, фабричные станы, склады, конвейерные цеха. Высокие каменные дымовые трубы торчали кверху, словно гигантские пальцы. Машина шагала по относительно чистому проходу на широкой магистрали, роккритовую поверхность которой покрывал блестящий слой битого стекла и силикатных осколков. На одной стороне магистрали, в глубокой воронке, словно в чашке, лежал перевернутый остов лихтера «Арвус» с раскоряченными крыльями, похожий на жука, пришипленного в круглой рамке булавкой. Чуть

дальше, словно специально припаркованные, стояли в ряд три «Завоевателя» без башен и гусениц, с покрытыми копотью корпусами. В фасаде фабричного стана торчало крыло и часть хвостового оперения «Грома».

Манифольд засек далекое побоище. В десяти километрах к северо-западу небо сошло с ума от обширного непрерывного заградительного огня и трассирующих снарядов — наземные батареи начали обстрел какой-то невидимой цели. Извивающиеся, похожие на червей, слепящие полосы выстрелов терзали и хлестали непроглядный дым морозящим дождем, прекратившись так же быстро, как и начались. Двадцать секунд спустя они принялись неистовствовать снова.

Гентриан посмотрел в другую сторону. Далеко позади облака осветились снизу вспышками мощных разрывов. Он отследил девяносто шесть самолетов по левому борту, низко и на большой скорости идущих в сторону запада.

Внезапно зазвучала палубная сирена, следом за ней два сигнала сближения, за которыми, в свою очередь, донеслись снизу глухие удары и дробь осколков, отскакивающих от корпуса.

Лустиг прокантировал машине стоп и задний шаг.

<Что это?> — спросил он инфоговоркой.

Гентриан глянул в оптику ближнего обзора.

— Мины, принцепс. Мы только что вступили на минное поле. Сдетонировали пружинные мины под ногами.

<Повреждения?>

— Минимальные. Щербины на нескольких плитах брони. Мины противопехотные.

Гентриан увеличил разрешение ауспика. За полем разбросанных в беспорядке полузарывшихся боеприпасов располагался длинный ряд более мощных противотанковых мин, установленных на шестах в трех метрах над землей. Мины и толстые шесты опутывала колючая проволока.

Лустиг прочитал результаты сканирования.

<С этими рисковать не будем. Только не в нашем теперешнем состоянии. Тягу на реверс. Задний шаг по очереди, поворот на юг. Сенсоры, проложите мне курс обхода>.

— Есть двигатели на полный реверс. Задний шаг, поворачиваем на юг.

Гентриан ожидал выговора. Он понимал, что должен был увидеть прыгающие мины задолго до приближения. Но он отвлекся и проглядел сигналы: ошибка для новичков, заслуживающая порицания. Тут ему пришло в голову, что принцепс слишком измотан, чтобы повышать голос для сердитой речи.

Манифольд вспыхнул — мощный энергетический разряд с визгом взорвал фасад здания в двадцати метрах по левому борту. Затем прилетело еще два разряда, из другого места, выедав глубокие воронки в дорожном покрытии по правому борту.

— Щиты на полную! — завопил Гентриан.

Их держали на низком уровне, сберегая энергию. Пустотные щиты забились и заискрили, пытаясь восстановиться и слиться на полную мощность.

— Давай. Давай! — поторопил модерати.

Из бронированной кабины позади кокпита техножрец сердито прокантировал, что он пытается. Гентриан слышал, как тот старается умиротворить машинных духов и уговорить их сотрудничать.

Посыпались новые снаряды, постепенно пристреливаясь. Взрыв лизнул пятки махины и разметал по магистрали обломки роккрита. Гентриан оценил энергетический профиль: лазер с высоким усилением, тяжелый, явно из платформенных установок или орудий махины.

«Никомах Игникс» резво повернул на юг, преследуемый раздирающими дорогу выстрелами. Он вклинился в устье узкой подъездной дороги между двумя каменными фабричными зданиями, которые были почти одной высоты с машиной, и Гентриан почувствовал, как принцепс слегка повернул гиросtabilизаторы на одну сторону, так что «Никомах Игникс» сильно навалился на левое строение. Стена фабрики затрещала под весом махины и рухнула каменным потоком. «Игникс» сделал подъездную дорогу пошире, расчистив себе путь.

Щиты все никак не могли включиться как следует. Гентриан дал сигнал стохастическому моделированию манифольда оценить и спрогнозировать характер вражеского огня. Два источника, оба с расстояния как минимум два километра. Похоже, «Игникс» брала в вилку дальнобойного обстрела пара вражеских махин.

Сейчас «Игникс» защищала лишь броня корпуса; он шел напролом, следуя к пространству за высокими фабриками и используя здания как частичное прикрытие. Массированные лазерные залпы разносили строения, пробивая гигантские дыры в стенах и просаживая крыши. Сенсоры зафиксировал один из источников обстрела на экране.

<Махина, махина, 2,7 километра, азимут 1106 каппа-девять>.

— Данные целеуказания получены! — крикнул Гентриан. — Разрешите открыть ответный огонь?

<Отставить. У нас не хватит энергии, чтобы добить туда>, — ответил инфоговоркой Лустиг через аугмиттеры раки.

Пробившись на бункерную площадку за фабриками — огонь машин продолжал карать древние здания у них за спиной, — они попали правой передней частью под вторую линию огня. Это была смесь выстрелов полевой артиллерии, реактивных боеприпасов и лазеров средней мощности, и она врезала им сильно.

Гентриан торопливо подправил оптику и обнаружил массу противников. Боевые сервиторы, вооруженные вездеходы и орудийные лафеты вражеских скитариев приближались справа, через окраинные улицы Подгоковского Края, на ходу выпуская снаряды и плюясь лазерами. Манифольд шипел их мусорным кодом.

Лустиг повернул на восток, пытаясь увести «Игникс» с бункерной площадки. Внутренние моторы и силовые приводы титана протестующе завывали. На дисплее манифольда начал расти столбик пылающих красным отметок о повреждениях. О проклятых щитах по-прежнему не было и речи.

— Стоп машина! — крикнул Гентриан. За бункерной площадкой проход блокировал еще один ряд мин на шестах.

<Сменить курс! Поворот на юго-восток! Вступить в бой!> — командный кант Лустига звучал мощно и уверенно, но Гентриан понимал, что они оказались в плохом месте. На них вели охоту, методично и со знанием дела, как на дикого зверя. Далекие машины толкнули их в ловушку, где «Игникс» могли зажать скитарии. У них оставалось примерно на десять секунд непрерывного огня в мегаболтере, энергии на пару слабеньких выстрелов из деструктора и остатки полуслившихся щитов.

«Никомах Игникс» пробился сквозь ряд складских ангаров, разметав в стороны их железные балки, и попытался вырваться из затягивающейся петли. Скитарии хлынули с окраинных улиц, словно стая насекомых. Уродливые, покрытые шипами воины неслись к ним, таща орудийные установки и стреляя из встроенного оружия. Самоходные орудия с грохотом выкатывались на бункерную площадку, задирая стволы. Тяжелые боевые сервиторы семенили вперед, их орудийные контейнеры ходили при стрельбе туда-сюда, словно клапаны. Войско скитариев представляло собой дикую орду, разряженную в отслаивающиеся шипастые доспехи, дикарские ожерелья и отвратительные трофеи. Гентриан побледнел при виде рогатых панцирей, безобразных знамен, клыкастых морд и скалящихся черепов.

<Тревога!> — прокантировал сенсоры.

Новые сервиторы и скитарии хлынули из окружающих зданий и высыпали на плоские крыши складских ангаров и фабрик. Гибкие, мощные скитарии перепрыгивали с крыши на крышу, не

отставая от пытающейся вырваться машины Механикус, их ожерелья, цепи и драные накидки развевались. Выпущенные ракеты, снаряды и гранаты били по корпусу машины. Гентриан увидел всплески дыма выстреливаемых абордажных тросов.

— Они пытаются связать нас! — крикнул он.

Боевые сервиторы бросались на лодыжки «Игникса». Они тоже выстреливали линии, пытались сковать ноги машины крепкими тросами. С рыком, от которого с губ по амниотической суспензии побежали пузырьки, Лустиг бросил «Игникс» вперед, таща за собой сервиторов, пытавшихся поймать его в силки. Натягивая крепкие линии, сервиторы царапали металлическими когтями землю, стараясь зарыться и удержать огромную машину. Лустиг неожиданно включил полный реверс, стоптав скользящие за ним по земле машины. На их место бросились новые, выпуская новый шквал увенчанных крючьями тросов.

— Их слишком много! — крикнул сенсор.

С окружающих крыш к ним тянулось больше десятка тросов, толстые стальные канаты оплетали ноги.

— Разрешите открыть огонь! — потребовал Гентриан.

<Разрешаю. Болтер, две секунды огня>.

Гентриан прицелился и активировал мегаболтер, перепахивая крыши по левому борту. Очередь была короткой, но разрушения — серьезными. Сервиторы, скитарии и куски крыш исчезли в опустошительной веренице разрывов.

Не желая больше тратить скудный боеприпас, Лустиг атаковал оружием ближнего боя — силовым кулаком с тремя длинными изогнутыми когтями, установленным на правую орудийную конечность. Он крутанул «Игникс» и вонзил когти в верхнюю часть фабрики справа. Кладку здания пересекла прореха десяти сантиметров глубиной. Потрясающий удар снес верхние этажи и крышу. Каменная пыль взмыла в воздух, когда те обрушились вниз, и Гентриан увидел, как лопаются и отлетают назад обрезанные тросы, опутывая вопящих скитариев, прицепленных к ним.

Они освободились на краткий миг. Таща за собой свисающие тросы и нескольких сервиторов, которые по-прежнему цеплялись линиями к броне голеней, машина зашагала вперед. Взрывы и удары продолжали осыпать корпус. «Игникс» пробивался к другой бункерной площадке, но путь впереди был заблокирован. По одну сторону от них находилась массивная доводочная платформа — продолговатое строение с плоским верхом размером с крупную фабрику, на два этажа выше них; по другую располагалась циклопическая плавильня и пристроенная к ней дымовая труба. Лустиг слегка разогнался по площадке и попытался протаранить плавильню, чтобы пробиться насквозь, но сумел нанести лишь поверхностные повреждения, несмотря на силовую кулак и громадную массу «Игникса». Он отступил на три шага, давя скученные ряды наземных сил скитариев, которые устремились следом.

<Направить оставшиеся оружейные резервы в деструктор>

— Слушаюсь! — отозвался Гентриан. — Принцепс, у вас есть два выстрела на шестидесяти процентах мощности.

<Больше ничего?>

— Иначе придется подвергнуть опасности основные двигательные и системные нужды. Реактор не справится.

<Приготовиться к открытию огня!>

Деструктор взревел дважды, его испепеляющие разряды ударили в плавильню, разрывая мощную кладку. «Игникс» врубил двигатель и шагнул в пробоину. Еще полдесятка тросов прицепились к его спине и ногам, и он потащил присоединенных к ним сервиторов за собой, словно поезд.

В манифольде вспыхнул предупреждающий значок. Гентриан идентифицировал сейсмический профиль — серии тяжелых, потрясающих землю ударов.

— След. Шаги машины. Приближается машина, на полном ходу!

<Произвести триангуляцию!>

Вражеский «Пес войны», кроваво-красный, с гримасничающей золотой мордой, бросился к ним по краю доводочной платформы. Он скачками несся по ее поверхности, ломая стрелы подъемных кранов и металлические ограждения, затем побежал вдоль края, чтобы увидеть их сверху.

<Разворот!> — скомандовал Лустиг.

«Игникс» резко развернулся. «Пес войны», издавая скрежет вызова на мусорном коде, спрыгнул с края платформы и приземлился на площадке. От удара по земле побежали трещины. Он выправился, снова заскрежетал и двинулся к зажатому в углу «Владыке войны», быстро и агрессивно — каждый шаг гулко топал по роккриту. Ряды скитариев бросались перед ним врассыпную, приветствуя его появление многоголосым ревом. «Пес войны» передал им многих из них, равнодушный к их участи, и активировал оружие ближнего боя — зловещий двузубец из грязной стали, вышедший из правой конечности и зафиксировавшийся.

<Разрешаю открыть огонь из болтера>, — выдал инфоговоркой Лустиг.

— Принцепс, у нас осталось боеприпасов на восемь секунд. Сколько я должен...

<Сколько потребуется>.

Гентриан открыл огонь. Мегаболтер заревел, бомбардируя потоком сверхскоростных снарядов приближающуюся махину. Тысячи небольших отдельных разрывов осыпали морду и корпус «Пса войны». Тот споткнулся, шатаясь под непрерывным обстрелом. Щиты его, похоже, разорвало в клочья, осколки ободрали окрашенную в красное броню, оставляя блестящие серебряные царапины обнажившегося металла.

Гентриан открыл огонь. Мегаболтер заревел, бомбардируя потоком сверхскоростных снарядов приближающуюся махину. Тысячи небольших отдельных разрывов осыпали морду и корпус «Пса войны». Тот споткнулся, шатаясь под непрерывным обстрелом. Щиты его, похоже, разорвало в клочья, осколки ободрали окрашенную в красное броню, оставляя блестящие серебряные царапины обнажившегося металла.

Пять секунд осталось, четыре, три, две, одна...

Заряжающие автоматы закончили отсчет. Болтер смолк.

— Счетчик на нуле. Боеприпасы закончились, — объявил Гентриан.

Площадку затянуло сизым фуцелиновым дымом от выстрелов мегаболтера. Восстанавливая равновесие, с дымящейся ободранной окраской, с текущим, словно кровь, из сотен пробоин на корпусе маслом, «Пес войны» издал горловое шипение и возобновил атаку.

— Приготовиться! — крикнул Гентриан.

Сдвоенные острия уродливого двузубца с хрустом пробили брюшную стенку «Владыки войны». «Никомах Игникс» содрогнулся, завизжали предупреждающие сирены. Лустиг внутри раки вскрикнул и схватился за живот.

«Пес войны» выдернул двузубец и тут же ударил снова, целясь выше — в грудь большей машины. Второй удар скрежетнул по броне, оставляя длинные рифленные отметины когтей на керамитовой поверхности.

«Игникс» отступил на шаг и блокировал третий удар силовым кулаком, отбив двузубец в сторону с громким металлическим лязгом. Всюду вокруг, на площадке и на крышах, завопили и залаяли скитарии, подбадривая дуэлянтов.

«Поединок, — подумал Гентриан. — Словно бойцы на ринге или гладиаторы на арене цирка».

«Пес войны» скакал из стороны в сторону перед израненным «Владыкой войны», скрежеща и тыкая в него своим оружием, словно острой палкой в быка. Кровь из глубоких психостигматов на животе Лустига окрасила воду, из полуоткрытого рта тянулась расплывающаяся розовая

струйка. Он внезапно выбросил правую руку, едва не ударив по стенке раки, и «Игникс» нанес неожиданный удар «Псу войны». Тот взвизгнул и попытался отскочить назад, но движение было слишком быстрым. Когти «Игникса» вонзились в панцирь «Пса войны».

Лустиг вырвал их обратно, приблизился на шаг и ударил снова, отражая тычок двузубца левой орудийной рукой. Тяжело и устало передвигая ноги, «Владыка войны» протаскивал гарцюющую меньшую махину перед собой по площадке. Его когти сорвали кусок брони золотого с медным цветом с челюсти «Пса войны», разрубив глумливую ухмылку пополам. «Пес войны» нырнул вперед и вонзил одно острое двузубца в левое бедро «Владыки войны».

Внутренние системы извергли пламя, моторные цепи порвало. Гентриан ощутил эту боль, так же как от раны в груди. Он не чувствовал так остро, как принцепс, но бедро все равно словно обожгло огнем.

«Пес войны» выдернул двузубец и взмахнул им снова. Подволакивая поврежденную ногу, «Игникс» отбросил оружие в сторону когтями, а затем достал «Пса войны» мощным обратным ударом по морде с таким грохотом, будто два «Гибельных клинка» на полном ходу столкнулись лоб в лоб.

«Пес войны» отшатнулся и едва не упал. Он изо всех сил, словно пьяный, пытался снова утвердиться на ногах, пар и дым хлестали из уплотнителей суставов и разорванной гидравлики. Пока он пытался отойти назад, Лустиг опустил когтистый силовой кулак ему на спину.

Все три лезвия пробили панцирь. «Пес войны» содрогнулся и издал вопль на мусорном коде. Он извивался и брыкался, стараясь вырваться, но когти заклинило. Лустиг и сам не мог их вытащить из прогнувшейся бронеплиты. Две сцепившиеся машины принялись бороться друг с другом, пытаясь высвободиться.

И тут «Пес войны» бросился вперед, прямо в объятия «Игникса». С застрявшими в толстой броне спины противника когтями «Игникс» не мог ни орудовать ими, ни ударить меньшую махину правой конечностью. Пронзительно воя, «Пес войны» подлез под вынужденно отставленную конечность и погрузил двузубец в грудь «Владыки войны».

Кокпит трянуло. Несколько пультов взорвалось всплесками огня и фонтанами приборного стекла. Начался отказ основных систем, но экипаж был слишком оглушен эмпатической болью, чтобы реагировать. Все еще насаженный на когти, «Пес войны» выдернул двузубец и вонзил его снова. Он повторил направленный вверх удар еще раз шесть: двузубец ходил туда-сюда, словно свайный молот, пока не раздробил на куски броню на груди «Игникса» и не выворотил реберные опоры.

Из «Владыки войны» хлынула прорвавшаяся смазка, будто его выпотрошили. Жизненно важные системы охватил пожар. Лустига внутри раки бил жестокий припадок, его конечности и голова колотились о стекло.

«Пес войны», ухая сиренами, нанес последний удар. Одно острие двузубца обломилось и застряло в тазовом агрегате «Игникса». «Пес войны» наконец-то вырвался из-под склоненного, угасающего «Владыки войны», оставив часть панциря на его когтях.

Обездвиженный «Игникс» качнулся.

«Пес войны» самодовольно отступил от противника задним ходом и опустился на корточки в центре площадки, уставившись на «Игникс».

Из множественных боевых ран у «Пса войны» обильно словно кровь, текло масло, марая красный покров и золоченую полуухмылку. Скитарии испустили громовой вопль одобрения, потрясая оружием и стуча клинками и древками по щитам и доспехам. «Пес войны» поднял орудийные конечности и склонил морду, отвешивая насмешливый поклон своему древнему врагу. Из его глотки раздалось кашляющее, словно туберкулезное, клокотание испорченного кода.

Ухая и радостно вопя, войско скитариев хлынуло вперед, окружая обреченного «Владыку войны», захлестывая его линиями и увенчанными крючьями тросами. Кучки сервиторов натягивали толстые якорные канаты, удерживая горящую махину, в то время как воины-скитарии начали карабкаться вверх по веревкам и абордажным линиям.

Гентриан отстегнул ремни и сдвинул кресло по направляющим назад. Кокпит был полон дыма. Гентриан потряс за плечо сенсоры:

— Очнись! Включай пожаротушение!

Он поморщился, вытягивая штекеры. Послышался неприятный скрип — и манифольд пропал. Все болело. Модерати взобрался по накренившейся палубе кокпита к шкафчику с оружием, крича остальным, чтобы приготовились.

Лустиг дрейфовал в амниотической раке, безвольный и дряблый. Жидкость внутри стала темно-красной.

Гентриан инициировал биометрический ключ шкафчика и принялся доставать ручное оружие: короткие лазкарабины и помповые дробовики, специально предназначенные для узких проходов титана. Они будут забираться в люки, по каркасу ног и через шахты доступа. Он слышал, как они долбят и стучат по внешнему корпусу.

— Давайте! — крикнул Гентриан остальным. — Отключайтесь и вставайте. Они уже идут. Заряжайте и готовьтесь защищать принцепса, сколько хватит сил!

— Шансов нет, — прошептал рулевой, глядя в оптику. — Нам с ними не тягаться.

Гентриан сунул дробовик ему в грудь и заставил взять оружие.

— Будем удерживать их, сколько сможем. Это понятно?

— Да, модерати.

Новые удары, новый грохот снаружи. «Никомах Игникс» слегка покачивало рывками тросов и карабкающихся по нему врагов.

Гентриан почувствовал, как дрогнула накренившаяся палуба кокпита, — где-то внизу взорвали люк. Донеслись звуки насмешливого мусорного кода и стук взбирающихся ног.

— Они внутри, — произнес Гентриан, передернул цевье дробовика и подошел к люку у верхнего края позвоночной шахты. Снизу, из глубины, били прыгающие лучи фонарей, отбрасывая разрозненные тени от перекладин лестницы.

— Деус Механикус, храни всех нас, — прошептал он.

— Черт, это что еще? — крикнул сенсоры.

Гентриан обернулся:

— Что?

Сенсоры уставился на сетку ауспика. Та внезапно вспыхнула широкими колонками красного бинарного кода, торопливо бегущего по дисплею.

— Код! — воскликнул сенсоры. — Масса выгруженного кода.

Сенсоры еще не вынул свои штекеры. За темными линзами защитных очков его модифицированные глаза вглядывались в манифольд — область, невидимую для Гентриана.

— Вижу также засветку щитов. О пресвятая Кузница!

Лустиг шевельнулся в запачканной кровью раке и произнес через аугмиттеры единственное слово:

— Инвикта.

Снаружи «Владыки войны» поднялся страшный шум — словно грянул внезапный шторм. Земля

вздрыгнула, и торжествующий лай вражеских скитариев потонул в могучем реве боевых горнов. До Гентриана донеслись звуки выстрелов — массивные беглые залпы множества разного оружия. Он пробрался к окнам кокпита и выглянул наружу.

Скитарии Легио Инвикта хлынули на площадку, словно внезапное наводнение. Первыми безрассудно неслись вперед пестрые гиганты в увенчанных плюмажами и усыпанных драгоценностями доспехах, вздымая секиры и паля из встроенного оружия. Плотные шеренги атакующих гипаспистов следовали за воющей элитой, примкнув клинки и опустив древки в единую линию ошестинившихся веером копий. Над ними вились яркие знамена — флаги из ткани и гололитические эмблемы, проецируемые излучателями на шестах. Среди напорающих шеренг Гентриан углядел четырех- и шестиногие сконструированные тела боевых сервиторов, движущихся полным ходом. Их выстрелы начали тревожить и задевать израненного «Пса войны», искалечившего «Никомах Игникс», и тот отступил в глубь площадки.

Сокрушающая волна техногвардии Механикус столкнулась с ордой вражеских скитариев у ног «Никомах Игникс». Потрясающий удар смял первые ряды воинов противника и покатился в скученные задние порядки. Трибуны и преторианцы Механикус прорубали себе дорогу сквозь вопящее, откатывающееся назад воинство Архиврага, заваливая землю разрубленными телами. Сервиторы взрывались, их разбивали на куски. Боеприпасы разлетались в воздухе, словно картечь, и падали среди врагов, распространяя волны разрывов. Бункерная площадка превратилась в целое море бьющихся и сталкивающихся тел.

Отделенный от всего этого, словно стоя на вершине вертикального острова, Гентриан глазел на безбрежную рукопашную схватку. Без манифольда он мог лишь приблизительно оценить число сражающихся: две тысячи с каждой стороны, три? Вражеские скитарии развернулись навстречу бригадам Механикус, бросив повисшие линии, которыми цеплялись к «Игниксу».

Искалеченный «Владыка войны» сотрясался в гуще жестокой битвы. Гентриану как-то рассказывали, что ни один пехотный бой, даже Гвардии и хваленых Астартес, не может сравниться неистовством и яростью с битвой скитариев против скитариев. Бионически усиленный, аугментически ускоренный, иступленный и беспощадный натиск с обеих сторон. Словно древние войны темной эпохи на Старой Терре — то, о чем он читал в альмагестах и трактатах в молодости. Он представил себе, что это слепок тех эпических противоборств на полях Марса — не на церемониальном Марсовом поле там, в улье, а на полях самого Марса, десять тысяч лет назад, когда схизма Великой и Ужасной Ереси расколола Механикус на священной Красной планете.

Клинки сверкали и вонзались в плоть. Лазерное оружие рывкало и плевалось огнем. Лопался поликарбон и керамит, разлетаясь осколками. Биоэлектрические системы взрывались и горели. Шрапнель летела, сдирая плоть и пробивая насквозь тех, кто попадался на пути. Четверенные лазеры сервиторных установок пульсировали и ухали, прожигая прогалины в тесной массе сражающихся. Падали тела — мертвые, умирающие, рассеченные — и громоздились кучами на окровавленном роккрите.

Гентриана готовили для войны махин. Он был рожден для этого. Он был модифицирован и загружен данными для участия в расчетливой дистанционной войне махин. Кровавый физический спектакль внизу представлял собой битву совершенно иного рода.

А вот Лау пребывал в своей стихии. Для него истинной войной была война врукопашную.

Глава скитариев Инвикты находился в самой гуще сражения, окруженный по бокам боевым отрядом из восьми хускерлов-преторианцев. Он не уклонялся от личного участия в боях и, несмотря на замечания принцепса максимус, часто отправлялся на передовую. Он говорил Gearhartу, что это помогает ему быть ближе к земле и не дает стать безразличным к судьбе скитариев, которые выполняют его команды.

Лично Gearhart считал, что Лау просто пристрастился к адреналиновому опьянению ближнего боя. В конце концов, он, как и каждый скитарий, был создан по генным программам, которые специально развивали агрессию и силу.

Встроенное в руку Лау оружие полыхнуло, сжигая кинувшихся к нему мертволицых врагов. Секира в левой руке вертелась, срубая головы и конечности. Он был забрызган кровью и содержимым жидкостных систем. Там, где не справлялись свистящий топор и жалящий лазган, Лау использовал свои хирургически вживленные клыки и модифицированные челюсти, разрывая врагам глотки. Хускерлы тоже не отставали. Они научились своему ремеслу от Лау.

<Вперед, за Омниссию!> — инфоговоркой кричал он. Выделяемые железами гормоны погрузили его в распаленное стимуляторами неистовство, но стратегический центр в его мозгу, искусно модифицированный так, чтобы оставаться абсолютно спокойным и сосредоточенным даже на пике сражения, непрерывно оценивал поле битвы.

Бой шел на равных. Несмотря на внезапную атаку, предпринятую Механикус, скитарии противника держались, и сражались безжалостно. Подключившись к ноосфере, Лау насчитал четыре тысячи вражеских единиц против трех с половиной тысяч своих. Он рассчитывал на численное превосходство своих сервиторов — опору мощи его армии — и уверенно предвкушал победу, которая, однако, обещала быть кровавой.

Хускерл слева опрокинулся назад, его голова оплавилась и горела. Лау рассек врагу широким, замысловато украшенным лезвием локоть и рукоять топора и сжег двух вражеских скитариев короткими выстрелами аугментического оружия. Остальные отпрянули, избегая его ярости.

Внешний облик Лау был создан для устрашения, так же как его физические данные — для убийства. Он был великолепен в своих хищных, грозных доспехах, за спиной вздувалась отороченная перьями мантия. Эмблема Механикус на кроваво-золотом нагруднике окаймлена по обеим сторонам шевронами цвета слоновой кости. Пестрая леопардовая шкура покрывала массивные плечи поверх украшенной перьями накидки, клыки-шипы выступали из крыльев багровой стальной полумаски, окружающей гололитические желтые прорези глаз. Он раздул переливающийся веер кожистых перьев на затылке, усиливая свой грозный вид. Персональный нательный пустотный щит трещал и кипел от бьющих в него выстрелов и ударов.

<Тесните этот шунтированный металлолом!>

Враг был еще далеко не сломлен, но его теснил напор атаки Механикус. Пытаясь

перегруппироваться и сконцентрироваться, вражеские воины рассыпались по усеянному щебнем подъездным дорогам, ведущим с бункерной площадки на магистраль Подгоковского Края.

Катафрактарии Лау поджидали их с тремя дюжинами разумных оружейных платформ, двадцатью мобильными батареями и восемнадцатью модифицированными танками «Малькадор» — все одетые в цвета Легио Инвикта и все нацеленные на заранее пристрелянную магистраль. Когда появились вражеские скитарии, Дорентина, магос артиллерии, послала Лау сжатым кодом запрос на открытие огня.

Лау внимательно взвесил данные ноосферы, продолжая при этом прорубать себе путь через бункерную площадку.

<Жди, — подсказал он Дорентине, — жди... жди... мой магистр орудий, можешь стрелять, как будешь готова>.

Катафрактарии Дорентины открыли огонь и превратили отрезок магистрали в первобытный хаос пепла, огня, земли и сверхдавления. Обстрел накрыл и разметал в клочья вражеское войско, выходящее с подъездных дорог. Грохочущие взрывы и интенсивный лазерный огонь выгрызали огромные дыры в дорожном покрытии, выбрасывая в воздух куски роккрита и тел. Меньше чем за сотню секунд погибли сотни.

Словно откатывающаяся в дельту реки волна, вражеская пехота хлынула обратно на подъездные дороги и во дворы, убегая от страшной смерти, которую им несла бомбардировка катафрактариев, но скитарии Лау намертво блокировали фабричные площадки. Второй раунд столкновения схлестнувшейся пехоты развернулся в узких горловинах подъездных и боковых дорог. Вражеские силы, которым некуда было бежать и которым не оставалось другого выбора, кроме как сражаться, сошлись с наземными войсками Лау с возобновленной отчаянной мощью. Беспощадные рукопашные схватки закипели на узких улочках, над которыми, словно стены черных каньонов, нависали огромные серо-коричневые фабрики.

Затем появились махины. «Дивинитус Монструм», махина Бормана, пришел, шагая через руины плавильни, разбитой «Игниксом». «Разбойник» «Филопос Маникс», под командованием Стента Расина, приближался с юга. «Инвиктус Антагонистес», махина Красной Фурии, шагал во фланге «Маникса».

Геархарт дал сигнал главе скитариев оттянуть войска. По команде Лау скитарии Инвикты вышли из боя, ведя сильный огонь на подавление и отступая с площадок.

Наступила тишина, нарушаемая лишь рокотом трех титанических реакторов. Попрятавшиеся в заброшенных фабриках и на подъездных дорогах вражеские воины поняли, что им пришел конец. Некоторые попытались бежать. Другие опустились на колени и подняли руки к возвышающимся машинам, словно каясь или вымаливая отпущение грехов у этих настоящих богов-машин.

Три великана не собирались прощать. «Инвиктус Антагонистес» издал глубокий рев боевого горна, который подхватили «Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс». Оглушительный хор спровоцировал приступ слепого ужаса среди сбившегося в стадо вражеского войска. Они бросились бежать, устраивая давку и сражаясь друг с другом за путь к бегству.

Избиение оказалось внезапным и всеобъемлющим. Воины Лау отпрянули и прикрыли глаза, когда три титана выпустили конусы бьющего огня, копья обжигающих лазеров и ураган снарядов. Загнанные в ловушку захватчики перестали существовать, и обломки фабричных зданий, служивших им укрытием, засыпали их горящие трупы.

Покрытый копотью «Пес войны» со сломанным двузубцем выскочил из укрытия на дальней стороне доводочной платформы и попытался удрать. Залп «Инвиктус Антагонистес» покалечил его и отбросил к стене. Он с трудом выпрямился, выбрасывая языки пламени из днища, и сделал еще несколько запинаящихся шагов. «Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс» зажали его с двух сторон и изрешетили плотными залпами пушек.

Избиение оказалось внезапным и всеобъемлющим. Воины Лау отпрянули и прикрыли глаза, когда три титана выпустили конусы бьющего огня, копья обжигающих лазеров и ураган снарядов. Загнанные в ловушку захватчики перестали существовать, и обломки фабричных зданий, служивших им укрытием, засыпали их горящие трупы.

Покрытый копотью «Пес войны» со сломанным двузубцем выскочил из укрытия на дальней стороне доводочной платформы и попытался удрать. Залп «Инвиктус Антагонистес» покалечил его и отбросил к стене. Он с трудом выпрямился, выбрасывая языки пламени из днища, и сделал еще несколько запинаящихся шагов. «Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс» зажали его с двух сторон и изрешетили плотными залпами пушек.

Череп «Пса войны» с ополовиненной ухмылкой сорвало, когда сокрушительный перекрестный огонь дезинтегрировал его шасси, и он с грохотом покатился по площадке.

«Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс» отвернулись от пылающего разрушения, которое сами же и устроили, и отправились в погоню за немногочисленными группами выживших, которые разбежались по окраинным улицам Подгоксового Края.

— Сигнал от лорда Геархарта, модерати, — сообщил сенсоры Гентриану, подняв руку к штекерам. — Он вызывает «Никомах Игникс»!

Гентриан бросил взгляд на амниотическую раку. Принцепс Лустиг плавал лицом вниз в побуревшей от крови воде. Гентриан скользнул по круто наклонившейся палубе к пультам в подбородке титана и подобрал болтающуюся связку своих штекеров.

— Дай мне секунду, потом переведи вызов на меня, сенсоры.

Гентриан подключился. Ощущение — словно втыкаешь тупой штык через позвоночный столб в

основание черепа. Вернулось единое всезнание манифольда, заставив разделить мучительную агонию умирающего титана и его смертельно раненного принцепса.

Гентриана передернуло, по пищеводу в рот поднялась кислота. Он неуверенно пошатнулся, копируя мертвый поскрипывающий титан, и ощутил фантомные дорожки крови-масла, стекающей по разбитой груди и животу. Сердце на секунду замерло. Боль была давящей и всеохватывающей.

<Повторяю, вы меня слышите, «Никомах Игникс»? Это «Инвиктус Антагонистес». Мы здесь, «Игникс», и мы защитим вас. Пожалуйста, ответьте>.

— Слы... шу вас, — ответил Гентриан, кашлянув: появилась кровь.

<Инфоговоркой, сэр!> — поторопил сенсоры.

Гентриан кивнул.

<Милорд Геархарт, это «Никомах Игникс»>.

<Я говорю с принцепсом Лустигом?>

<Нет, милорд. Принцепс Лустиг в настоящий момент не совсем здоров. Это модерати Гентриан. Милорд, мы валимся с ног. Мы благодарны Инвикте за блестящую победу, но наш поход окончен>.

<Надейся на сборочные заводы и ремонтные площадки, модерати! — ответил Геархарт. — Вы не мертвы, пока я не скажу. Могучий «Никомах Игникс» пойдет снова, и снова пойдет принцепс Лустиг!>

Гентриан улыбнулся:

<Высокочтимый лорд, мы благодарны вам за поддержку, но мы травмированы и горим. Я думаю, что мой принцепс... мертв. Благословите нас умерщвлением наших врагов>.

Послышался короткий обмен кодовыми последовательностями.

<«Никомах Игникс», это «Инвиктус Антагонистес». Мы умертвим врага, но вы не должны, не должны сдаваться! Позаботьтесь о системах машины и поддерживайте жизнь в них, насколько сможете. Спасательные команды уже выдвигаются в вашу сторону>.

<Мы будем ждать их, милорд>, — ответил Гентриан. Он повернулся к остальным членам

экипажа мостика. — Приготовьтесь к...

Голова сенсори взорвалась, заляпав лампы кокпита кровью и мозговым веществом. Сенсори рухнул на главный пульт. Гентриан обернулся и увидел оцетинившегося звероподобного скитария, вылезавшего из люка на вершине позвоночной шахты.

С воплем ужаса рулевой поднял карабин, но так и не успел выстрелить. Первый скитарий, появившийся из люка, застрелил его так же походя, как застрелил сенсори. Металлический осколок-снаряд вырвал рулевому кусок бедра, второй разворотил горло. Рулевой упал боком на переборку и обмяк с широко раскрытыми глазами, пытаясь что-то сказать; из разорванной шеи хлестала кровь.

Гентриан выстрелил в скитария. Дробовик был заряжен пыжом из тончайшей проволочной нити и керамитовой дробью — выстрел размазал скитария по задней переборке кокпита. Гентриан передернул цевье дробовика и выстрелил снова. Второго скитария разнесло выше пояса фонтаном мяса, костей и металла.

Третий скитарий, высунувшись над манжетой люка позвоночной шахты, выстрелил из встроенного лазера. Первый выстрел пробил Гентриану торс и вышел из спины, прижигая рану изнутри. Второй разряд перебил штекеры на шее.

Гентриан выключился. Внезапная травма жесткого отключения заглушила даже боль от раны. Он провалился во тьму, погружаясь в непроглядную ночь какого-то неизведанного озера. Откуда-то свысока на него падал мигающий свет. Он был похож на столбцы бинарного кода, но слишком быстро таял, чтобы его загрузить.

Тело Гентриана рухнуло спиной на дисплеи кокпита. Дробовик со стуком выпал из рук. Гентриан закрыл свои модифицированные глаза и перестал чувствовать что-либо, кроме небытия...

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660461>